

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ АЛЕФИРЕНКО

Россия, Белгород

**КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС РУССКИХ
ПОСЛОВИЦ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

ABSTRACT:

The cognitive model of proverb contains two discursive-cognitive levels: its content and its inner form: concept and frame. It is substantiated cognitive-pragmatic basis of proverbs: (a) frame focuses on last object-sensory experience of people, (b) script realizes some pragmatic attributes of proverb as acceological, emotive, cultural-connotative, illocutive and so on. Frame projects the intentional of semantic structure of proverb. Script projects the implicational of semantic structure of proverb. The national-cultural specificity of paremiis exposes by means of their comparison to proverbial formations at the another Slavic languages.

KEY WORDS:

Discourse, paremis, proverbial semantics.

Актуальность проблемы когнитивно-прагматического исследования пословиц обусловлена тем, что на фоне бурного развития когнитивистики практически отсутствуют фундаментальные исследования паремиологического фонда русского языка в аспекте когнитивной культурологии, принципиально отличающейся от страноведения. Традиционно паремии рассматривались в системно-структурном (Г.Л. Пермяков) или культурологическом ракурсах [Савенкова 2007, Семененко 2004]. Кроме этого, появление такого рода исследования объясняется необходимостью конкретизации и совершенствования основополагающих положений когнитивной лингвистики, их адаптации к анализу паремиологического фонда языка.

Методологической основой когнитивного подхода к паремиологии служат работы Ф. Джонсон-Лэрда, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Р. Лангакера, Ч. Филлмора, Ж. Фоконье и др. Особенно ожидаемой в науке является разработка методики осуществления дискурсивно-когнитивного моделирования пословично-поговорочных речений. Когнитивная модель пословицы (когнитема) представлена дискурсивно-когнитивными уровнями её значения и внутренней формой. Обосновывается когнитивно-прагматический базис пословиц: (а) фрейм фокусирует прошлый предметно-

чувственный опыт народа, (б) сценарий воплощает прагматические свойства пословицы: аксиологические, эмотивные, культурно-коннотативные, иллюкативные и др. Первый проецирует интенционал семантической структуры пословицы, а второй – её импликационал.

Теоретическая платформа такого рода исследования опирается на исходные принципы когнитивно-дискурсивной парадигмы, заложенные в работах Ф. Джонсон-Лэрда, Д. Герартса, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Р. Лангакера, Ч. Филлмора, Ж. Фоконье. В русистике эти идеи обогащаются в трудах В.З. Демьянкова, В.Б. Касевича, Е.С. Кубряковой, Р.М. Фрумкиной и др. При этом следует признать, что их работы представляют собой моделирование лексико-семантической подсистемы языка и не учитывают специфики идиоматических образований, в том числе и паремиологических. Устранение столь очевидного белого пятна требует прежде всего разработки методики лингвокогнитивного анализа на фоне сопоставительного анализа когнитивно-прагматических свойств пословиц близкородственных языков. Это, в свою очередь, требует не только уточнения базовых понятий когнитивной лингвистики с целью их применения к паремиологическому фонду русского языка, но и обоснования новых когнитивно-прагматических категорий. Это позволит открыть путь к лингвокогнитивному моделированию паремиологических единиц, являющихся, наряду с фраземами, основным средством репрезентации косвенно-производной языковой картины мира. В русле такого исследования приобретают новое осмысление метафорические механизмы конституирования паремий. Это важно прежде всего потому, что в традиционной паремиологии, обращая внимание на метафоричность пословицы, не раскрывается специфика пословичной метафоры, которая может быть вскрыта с помощью таких категорий, как «фреймовая модель пословицы», «провербиальный код», «паремиологический прототип», «когнитема» и др.

Введение первого понятия позволяет выделить в когнитивной структуре паремий разные ее уровни и подуровни, описать динамику их взаимодействия как на этапе формирования пословиц, так и в коммуникативно-прагматической реализации их когнитивно-дискурсивного потенциала. Специфика пословичной метафоры обуславливается особенностями когнитивной структуры паремии. Для её описания вводятся понятия *когнитемы* и *провербиального кода*, синергетически объединяющие в себе лингвокреативные смыслы когнитивной и культурологической природы. Такой подход позволяет увидеть этнокультурную специфику паремий даже в тех случаях, когда пословично-поговорочные речения близкородственных языков кажутся идентичными. При тождественности их когнитивной структуры открываются их скрытые лингвокультурологические особенности и, наоборот, культурологическая идентичность может порождаться разными когнитивными процессами. Благодаря такому подходу становится понятной специфика паремий аллегорического типа – одного из самых распространённых в русском провербиальном пространстве.

Векторы исследования когнитивной структуры паремий – схемы репрезентации предметно-чувственного опыта в их смысловом содержании – могут быть двунаправленными. В центре внимания *первого направления* находится индивид, постигающий мир, или языковая личность. В таком случае моделирование когнитивной структуры не может не использовать теорию языковой личности, что позволяет уяснить работу механизмов усвоения говорящими паремиологического фонда, продуцирования и восприятия ими пословиц, а также раскрыть роль когнитивных структур в процессе порождения, переработки информации и хранения её в языковом сознании в виде смыслового содержания паремий. В связи с тем, что когнитивные структуры паремий – образования идеальные, средством объективации служит анализ их лингвокогнитивные аналоги, такие как (а) когнитивная модель понимания связного текста Т.А. ван Дейка и В. Кинча, (б) пропозициональная структура строения памяти Дж. Андерсона и Дж. Бауера, (в) ментальная модель Ф. Джонсона-Лэрда. На основе этих лингвокогнитивных образований осуществляется понимание, умозаключение и принятие решений при употреблении и восприятии паремий. Ментальная модель Ф. Джонсона-Лэрда напоминает ментальное пространство Ж. Фоконье. Обе категории явно взаимодействуют в процессе возникновения паремий. Поэтому понять сущность такого взаимодействия – значит получить доступ к скрытым механизмам концептуальной организации знаний в процессах понимания и построения паремий, представляющих различные типы этнокультурного знания. Важным подспорьем для такого рода исследований могут служить экспериментальные приёмы. Более того, экспериментальное подтверждение правильности моделирования когнитивной структуры паремии, отражающей специфику провербиального смыслового содержания, является важным условием создания когнитивно-прагматической теории современной паремиологии, направленной на осмысление того, что происходит в языковом сознании говорящего в момент возникновения паремий. Проведённые исследования убеждают, что когнитивные механизмы универсальны, поэтому осуществляемое в них моделирование этих механизмов даже не предполагает учёта этнокультурных особенностей близкородственных языков.

В фокусе исследований, осуществляемых в рамках *второго направления*, находятся когнитивные структуры, ретроспективно восстанавливаемые на основе анализа дискурса, в рамках которого они вербализуются. При этом становится более доступной национально-культурная специфика репрезентации действительности провербиальными единицами того или иного языка. Обнаруживается общее и особенное в способах и средствах провербиальной концептуализации в разных языках, моделируются отдельные фрагменты языковой картины мира. Такого рода подходы реализуются в работах Н.Н. Кирилловой, Т.В. Топоровой, Е.С. Яковлевой, Н.Н. Семененко и др. В данном направлении органично сопряжены собственно семасиологический анализ и лингвокультурологические и этнолингвистические изыскания. При этом не

стоит резко противопоставлять первое и второе направления: они не только не противоречат, но и предполагают друг друга.

В процессе совмещения двух подходов новым содержанием наполняются основные понятия когнитивной паремиологии: «категория», «мыслительная категория», «когнитивная структура», «когнитивная модель», «ментальная модель», «концептуальная схема», «фрейм», «сценарий», «пропозициональная сеть» и др. Несмотря на специфику каждого из названных понятий, их объединяет понятие категоризации, без которого невозможно восприятие, понимание и упорядочение действительности, образующей концептосферу того или иного языка. Именно в ходе категоризации новый опыт сопоставляется с уже зафиксированным этноязыковым сознанием и включается в соответствующий когнитивный блок, или категорию. При этом, как отмечает Э. Рош, границы между когнитивными категориями размыты, сами категории неоднородны. В центре категории находятся ее типичные представители, позволяющие достаточно легко отличить одну категорию от другой. Категориальные признаки периферийных единиц могут существенно видоизменяться [Rosh 1978: 36]. Понятие «категория», понимаемое в общем плане, можно применить как родовое ко всем остальным вышеперечисленным единицам представления знаний. В целом указанные выше понятия, отражающие структуры представления знания, в значительной степени используются как синонимы, хотя и могут отличаться по степени сложности своей внутренней организации или степени обобщенности. Воспользуемся в качестве рабочего понятием «когнитивная структура», которое в современной когнитивной лингвистике используется достаточно часто и широко как при анализе крупных информационных блоков, так и при рассмотрении информации, заключенной в одном предложении. Это понятие можно определить как некую схему представления знания, соотносящуюся с языковыми категориями, хотя с точки зрения Н. Хомского противопоставление когнитивных и языковых структур некорректно, так как язык представляет собой одну из когнитивных структур [Chomsky 1983: 33-35]. Эту точку зрения поддерживают В.Б. Касевич [Касевич 1989: 10-11], Р. Лангакер [Langacker 1987: 12-13] и др. Согласно нашей концепции ближе к истине те исследователи (С.Д. Кацнельсон, Р. Джекендофф, Ч. Филлмор), которые полагают, что языковые и когнитивные структуры представляют собой две отдельные, хотя и взаимосвязанные формы репрезентации знаний. Их нельзя отождествлять уже хотя бы потому, что, как в своё время доказывал Л.С. Выготский, часть процессов мышления и речи совпадает, образуя сферу речевого мышления, но речевое мышление всё же не исчерпывает ни всех форм мысли, ни всех форм речи.

При таком подходе вербализованные, языковые, знания делятся на (а) собственно *языковые*, ограниченные рамками соответствующей языковой системы, и (б) *дискурсивные*, представляющие собой открытый формат, по информационному объёму значительно превосходящий собственно языковые. Открытость дискурсивных знаний предполагает сопряжение в

семантике паремий языковых и экстралингвистических знаний, которые в когнитивно-семантической теории провербальных образований (поговорок, загадок) не только не противопоставляются, но и являются прямым объектом исследования, отличающимся высоким уровнем этноязыковой синергетики. Синергетика провербиальных единиц создаётся слиянием двух предполагающих друг друга энергетических потоков: (а) семантического (энергетики языковой семантики) и (б) смыслового (энергетики когнитивной семантики). В её эпицентре обычно находятся те провербиальные компоненты-когнитемы, которые обозначают бытовые реалии (одежда, украшения, денежные единицы, музыкальные инструменты и т.д.), (б) компоненты-онимы (антропонимы, топонимы): рус. *наварила, напекла Акулина на Петра; наготовить, как на Маланьину свадьбу*; укр. *вискочити як Пилип з конопель; за царя Панька, як земля була тонка; Химині кури (розводити) ‘говорить несурзости’*; (в) названия явлений и предметов духовной культуры, ритуалы, традиции: *пустить козла в огород*, укр. *наче кобила в спасівку ‘кивать головой’*; (в) слова коннотативно-номинативного характера, характеризующиеся этнокультурной обусловленностью интенционала своих лексических значений. Такие слова отражают специфический этнокультурный вектор закреплять за анималистическими названиями разные когнитемы (*свинья* – амер. ‘грубиян’, ‘жадина’; русск. – ‘неряха, грязнуля’). Ср.: рус. *кому свинья (прибыль), а нам семья; свинья в ермолке; не свиным рылом лимоны нюхать, свинью подсунуть (подложить, подпустить) кому*; укр. *свині не до поросят, коли її смалять (патрають); коли б свині роги ‘опасно давать власть деспоту’; у свинячий голос ‘несвоевременно’*.

Изучение когнитивно-прагматического дискурса порождения и функционирования провербальных образований, отражающих менталитет народов с разными национально-культурными традициями, позволит выявить особенности их дискурсивной природы, связанной со спецификой восприятия, познания и интерпретации действительности, характером её отображения и членения мира в той или иной языковой картине мира.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Савенкова, Л.Б.: *Взаимосвязь фразеологического и паремиологического уровней языковой системы: деривационный и функциональный аспекты*. In: *Мир русского слова и русское слово в мире*. Т. 2. София 2007, с. 268-272.
- Семененко, Н.Н.: *Языковой и когнитивный аспекты механизма формирования обобщённого значения пословицы*. In: *Языки и транснациональные проблемы : материалы I Междунар. научн. конф. (22-24 апреля 2004 г.)*. Москва-Тамбов 2004, с. 279-284.
- Rosh, E.H.: *Principles of Categorization*. In: Rosh E. H., Lloyd, B.B.: *Cognition and categorization*. Hillsdale 1978. P. 27-48.
- Langacker, R.W.: *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites*. Stanford: Stanford University Press 1987.

Алефиренко, Н. Ф. Когнитивно-прагматический дискурс русских пословиц: постановка проблемы / Н. Ф. Алефиренко ; БелГУ // *Rossica olomucensia XLVI-II : sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX : Olomoucké dny rusistů*, Olomouc, 30.08. – 01.09.2007. – Olomouc, 2008. – С. 325-329.